

Слова Дуаньму Цина становились все более невероятными, и Девятнадцатый с трудом верил, что он произносит такие вещи.

К счастью, после этих слов Дуаньму Цин замолчал, давая Девятнадцатому время подумать. Тот постепенно приходил в себя, все больше убеждаясь, что хозяин, возможно, съел что-то не то. Он был человеком низкого положения, а Дуаньму Цин — высокого, между ними лежала непреодолимая пропасть. Как они могли быть на равных?

Спустя долгое время он снова осмелился спросить:

— Подчиненный осмеливается спросить, что хозяин нашел во мне?

Девятнадцатый считал, что в нем нет ничего особенного, и Дуаньму Цин не сможет назвать ни одного достоинства. Тогда он сможет легко отказаться от свадьбы.

Но, к его удивлению, Дуаньму Цин серьезно задумался, долго смотря на лицо Девятнадцатого, прежде чем ответить:

— В тебе все достоинства, и я вижу их все, особенно твою красоту.

— ...

— Если ты меня не любишь, мы можем сначала пожениться, а потом полюбить друг друга.

— Не... — Дело не в том, нравится он ему или нет, а в том, что он, как тайный страж, никогда не думал о женитьбе, тем более на своем хозяине. Это было просто неприемлемо!

— Если ты не против меня, то давай назначим свадьбу на седьмое число следующего месяца, на праздник Циси, как тебе?

— Хозяин, разве это не слишком поспешно? Подчиненный не достоин быть вашим супругом.

— Не унижай себя. Я сказал, что ты мой супруг, и это не поспешно. Я думал об этом долгое время.

«Действительно долго, с момента своего возрождения, он размышлял об этом несколько часов.»

— ... Да.

После стольких слов он не знал, что еще сказать. Тайный страж должен подчиняться приказам, а все, что он сказал, было сомнением в словах хозяина. Как квалифицированный тайный страж, он не должен был этого делать.

Дуаньму Цин был готов к долгому разговору, но Девятнадцатый так легко согласился, что его ответ был всего одно слово: «Да». Дуаньму Цин понял, что Девятнадцатый воспринял его слова как приказ.

Теперь они были помолвлены, и Дуаньму Цин усадил Девятнадцатого к себе на колени.

Теперь их отношения изменились, и более тесный контакт был естественным, но Девятнадцатый так не считал. Он никогда не был близок с кем-либо и чувствовал себя некомфортно. В его понимании они все еще были хозяином и слугой, даже если они поженятся, тем более, что свадьба еще не состоялась.

Девятнадцатый хотел встать, но Дуаньму Цин легким нажатием удержал его, и он мог только «послушно» сидеть.

— Девятнадцатый, не воспринимай мои слова как приказ. Это было признание, понимаешь?

Девятнадцатый кивнул, затем покачал головой.

— Не понимаешь — ничего страшного. Время покажет, что это не порыв.

Девятнадцатый снова привычно ответил:

— Да.

— Поэтому тебе нужно привыкнуть к нашим отношениям. В будущем мы будем самыми близкими людьми на свете.

Девятнадцатый снова машинально ответил:

— Да.

— В будущем ты не должен называть себя подчиненным. Говори «я» и не кланяйся мне. Мы равны, понимаешь?

— Да.

Дуаньму Цин улыбнулся:

— Какой послушный.

Девятнадцатый долго молчал, но вдруг вспомнил вопрос, который вырвался у него без размышлений.

— Хозяин, а что насчет Одиннадцатого?

«Подразумевая, что Одиннадцатый тоже был спасен Дуаньму Цином. Неужели и он должен отдать себя?»

Лицо Дуаньму Цина изменилось. Он не понимал, о чем думал Девятнадцатый, задавая такой вопрос, но терпеливо объяснил:

— Одиннадцатый, конечно, останется тайным стражем. Я женюсь только на тебе, и в этой жизни у меня будет только ты.

— ...

Девятнадцатый взглянул на улицу и наконец сказал:

— Хозяин, на улице уже поздно, может, пойдете отдыхать?

Дуаньму Цин тоже посмотрел на улицу и, обняв Девятнадцатого, с улыбкой спросил:

— Тогда ты пойдешь спать со мной? Или я останусь здесь с тобой? Выбирай.

— Хозяин... под...

Не дав ему договорить, Дуаньму Цин прервал его:

— Ты забыл, что я только что сказал? В будущем ты не должен называть меня хозяином. Зови меня Дуаньму или, если хочешь, Цинцин, как тебе угодно.

«Как Девятнадцатый мог осмелиться? Имя хозяина не могло быть произнесено так просто.» Он долго колебался, не решаясь назвать его.

Сегодня произошло слишком много событий, и сердце Девятнадцатого едва справлялось. Дуаньму Цин продолжал настаивать на выборе, и тот, сидя у него на коленях, не знал, что делать.

Дуаньму Цин понял, что слишком давит на него, создавая психологическое напряжение, и отступил.

— Я не буду тебя торопить. Я останусь здесь с тобой, хорошо?

— Здесь только под... я, Семнадцатый и Восемнадцатый спят на трех кроватях. Сегодня их нет, хозяин будет спать на их кровати? — осторожно спросил Девятнадцатый.

Дуаньму Цин естественно ответил:

— Конечно нет, я буду спать с тобой на одной кровати.

— ... Да.

— В будущем мы будем жить вместе каждый день, тебе нужно привыкнуть.

Девятнадцатый уже спал, и его постель была не убрана, так что ему не нужно было готовить ее заново. Он снял одежду и лег.

Дуаньму Цин первым разделся и лег внутрь кровати. Девятнадцатый долго стоял у кровати, колеблясь, и только после напоминания Дуаньму Цина снял одежду и лег на самый край кровати.

Тайные стражи не заботились о комфорте, поэтому их спальня была простой, а кровать — односпальной, достаточной только для одного человека.

Поэтому, как бы далеко Девятнадцатый ни лег, он все равно был близко. Дуаньму Цин протянул руку и притянул его к себе.

Обняв Девятнадцатого, он перевернулся, и их позиции поменялись: Девятнадцатый внутри, а Дуаньму Цин снаружи. Накрывая их одеялом, он укрыл его полностью, так как одеяло было маленьким.

Дуаньму Цин был высоким и крупным, намного выше Девятнадцатого, и кровать едва вмещала его одного, не говоря уже о двоих.

Девятнадцатый вынужденно лежал на руке Дуаньму Цина, окруженный его запахом. Его сердце бешено билось, и он не мог уснуть от напряжения, находясь так близко к хозяину.

В отличие от Девятнадцатого, Дуаньму Цин быстро заснул. С момента трагедии в прошлой жизни и до смерти он долго не отдыхал, и теперь, когда Девятнадцатый был в его объятиях, на расстоянии поцелуя, он чувствовал себя спокойно.

Увидев, что Дуаньму Цин спит, Девятнадцатый не осмеливался двигаться, закрыл глаза и, немного поразмышляв, тоже заснул.

Девятнадцатый всю ночь лежал, вытянувшись, как струна, в объятиях Дуаньму Цина, и на следующее утро проснулся очень рано, не смея пошевелиться, чтобы не разбудить хозяина. Но в тот момент, когда он открыл глаза, Дуаньму Цин тоже проснулся, просто не открывал глаз, наслаждаясь тихим утром.

Притворяясь спящим, Дуаньму Цин «случайно» поцеловал Девятнадцатого в лоб. Тот, пораженный, все равно не двигался, и, когда Дуаньму Цин открыл глаза, он увидел смущенного Девятнадцатого.

Эта картина подняла настроение Дуаньму Цину. Они вместе оделись, умылись и позавтракали.

Дуаньму Цин сказал, что начнет готовиться к свадьбе, и спросил Девятнадцатого, есть ли у него пожелания, которые он хотел бы исполнить. Девятнадцатый, все еще не веря в реальность происходящего, поспешно покачал головой, говоря, что все будет так, как решит хозяин.

После ухода Дуаньму Цина Девятнадцатый чувствовал себя растерянным. Он думал, что ему нужно выполнить задание, чтобы успокоиться.

Дуаньму Цин сначала написал письмо Шэнь Бэю, попросив его не забыть привезти свадебный подарок, и особо подчеркнул, что подарок должен быть дорогим!

Затем он написал письмо Хань Лэну, находившемуся в Шу, приглашая его на свадьбу.

Дуаньму Цин знал многих людей, но близких друзей у него было только двое.

У Башни Цинчэн были обширные связи, и приглашений нужно было рассылать множество. Отправлять их или нет — это было дело Дуаньму Цина, а приходить или нет — их выбор. Если кто-то осмелится испортить мероприятие, то ему не поздоровится.

Авторское примечание:

Дуаньму Цин: Ты хочешь выйти замуж — я женюсь, ты хочешь жениться — я выйду за тебя замуж, решай сам!

Девятнадцатый: Женильба или замужество — все равно, лишь бы я был сверху!

<http://bllate.org/book/16706/1534994>